

В. А. Городцовъ.

БЫТОВАЯ АРХЕОЛОГІЯ.

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ

ЧИТАННЫХЪ

въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Изданіе Московскаго Археологическаго Института.

Кавказское культурное теченіе.

Кавказъ, несмотря на многочисленныя сдѣланныя тамъ находки древностей, еще далеко не изученъ, и можно съ увѣренностью сказать, что для будущаго онъ готовитъ много сюрпризовъ, такъ какъ и то, что тамъ найдено, уже поражаетъ научнымъ интересомъ и неожиданностью многихъ явленій. Таковы курганныя древности, открытыя проф. Н. И. Веселовскимъ на сѣверѣ Кавказа, въ Кубанской области, въ городѣ Майкопѣ и станицахъ Костромской, Царской и нѣкоторыхъ другихъ. Эти древности пролили много свѣта на всё кавказское культурное теченіе въ Россіи, а потому мы и позволимъ себѣ остановиться на изученіи ихъ болѣе подробно.

Въ городѣ Майкопѣ былъ изслѣдованъ одинъ огромный курганъ¹⁾, достигавшій почти 15 аршинъ отвѣсной высоты; въ немъ открыто два погребенія: 1) въ насыпи и 2) въ грунтовой ямѣ, ниже горизонта. Оба погребенія относятся къ одной эпохѣ и, можетъ быть, даже одновременны, такъ какъ признаковъ, чтобы верхнее погребеніе было впускнымъ, не оказалось.

¹⁾ „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1897 годъ“, Спб., 1900 г., стр. 2—11.

Могила перваго погребенія была открыта на глубинѣ 5 аршинъ отъ вершины насыпи и слагалась изъ булыжныхъ камней, среди которыхъ находились останки покойника, лежавшаго, въ скорченномъ положеніи; при немъ найдены мѣдный копьевидный клинокъ ножа, серебряная спиральная серьга и нѣсколько кусковъ красной краски.

Могила второго, коллективнаго, погребенія имѣла нѣсколько иную форму. Она представляла видъ четырехугольной обширной, но не глубокой ямы, съ дномъ, выложеннымъ рѣчнымъ булыжникомъ, и стѣнами, обложенными деревомъ, прикрѣпленнымъ къ столбамъ, врытымъ въ каждомъ углѣ ямы. Сверху яма была покрыта бревенчатымъ накатникомъ, на который былъ насыпанъ слой земли (можетъ быть, дерна), а затѣмъ наложенъ второй бревенчатый накатникъ, концы котораго выходили далеко за края ямы. Послѣ этого яма представляла видъ землянки, вѣроятно всего, формою подражавшей жилищамъ того времени. Вокругъ этого загробнаго жилища была сдѣлана кольцеобразная ограда изъ ломанаго камня известковой породы.

Внутри могильное помѣщеніе дѣлилось деревянными перегородками на три комнаты: южную, представлявшую цѣлую половину помѣщенія, восточную и западную, полученные дѣленіемъ второй половины на двѣ равныя части.

Въ южной комнатѣ лежалъ одинъ покойникъ въ скорченномъ положеніи, головою на югъ. Всѣ кости его оказались густо залитыми ярко-красной краской (сурикомъ) и „въ буквальномъ смыслѣ были усѣяны золотыми украшеніями, повидимому, нашивавшимися на платье“. Среди этихъ украшеній оказались штампованныя золотыя пластинки, изображавшія львовъ, бычковъ, розетки и кольца; большое число золотыхъ бусъ разной формы и величины, золотыхъ и серебряныхъ пронизей въ видѣ плоскихъ кружковъ; кромѣ того здѣсь же найдено множество бирюзовыхъ и сердоликовыхъ бусъ разныхъ формъ и размѣровъ. Подъ черепомъ покойника оказались двѣ узкія

золотыя ленты, а около черепа — пять золотыхъ ободковъ неизвѣстнаго назначенія, двѣ золотыя гладкія проволочныя серьги и золотыя кнопки. Рядомъ съ костякомъ, на пространствѣ между черепомъ и колѣнами, лежали вмѣстѣ и параллельно другъ другу шесть трубокъ длиною около 1 арш. 6 вершк. (1,03 м.), изъ которыхъ двѣ были серебряныя, а четыре — серебряныя съ золотыми нижними концами. На двухъ серебряныхъ трубкахъ было надѣто по одному массивному серебряному бычку съ просверлѣннымъ насквозь туловищемъ; на двухъ другихъ трубкахъ съ золотыми концами оказалось надѣто также по одному, но уже золотому массивному, бычку.

Недалеко отъ описанныхъ трубокъ найдены три золотыхъ продолговатыхъ и два серебряныхъ колпачка въ видѣ полушарій, а у нижнихъ концовъ трубокъ, у колѣнъ костяка, найдены кремневые наконечники стрѣлъ. Вдоль восточной стѣны лежали въ рядъ семнадцать сосудовъ различныхъ размѣровъ и формъ, а именно: два золотыхъ, одинъ каменный шаровидный съ накладнымъ золотымъ горлышкомъ и такую же крышечкой и четырнадцать серебряныхъ, изъ которыхъ одинъ оказался съ золотыми ушками и одинъ съ золотымъ ободкомъ у шейки. На двухъ сосудахъ имѣлись чрезвычайно любопытные гравированные рисунки. Такъ на одномъ изображены цѣлый ландшафтъ, представляющій горы, рѣки, впадающія въ озеро, деревья, птицы, домашнія животныя и звѣри, а на другомъ — домашнія животныя, звѣри и птицы, идущіе въ одну сторону. Среди домашнихъ животныхъ легко узнать лошадь, корову, овцу, свинью и козу, а среди звѣрей — льва, медвѣдя и пятнистую пантеру.

Въ одномъ изъ угловъ помѣщенія были сложены большой точильный брусокъ серповидной формы съ отверстіемъ для шнура, небольшой точильный камень, украшенный золотымъ пробойчикомъ, каменный топоръ клиновидной формы и десять разныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ чистой мѣди. Въ составъ послѣднихъ входили одинъ

кинжалъ, одна кирка, два топора, ножъ, два клина, два долота и четырехгранное шило. Тутъ же стояло восемь небольшихъ круглодонныхъ глиняныхъ сосудовъ, а по всему полу лежали тонкія полоски серебра, иногда съ серебряными гвоздиками, указывающими на то, что пластинки были прибиты къ какому-нибудь предмету. Интересно, что такія же пластинки, и въ меньшемъ количествѣ, отыскались и въ другихъ помѣщеніяхъ могилы.

Въ каждомъ изъ послѣднихъ помѣщеній также покоилось по одному костяку, лежавшему въ согнутомъ положеніи, головою на югъ. Судя по вещамъ, въ одномъ изъ этихъ помѣщеній (восточномъ) была похоронена женщина. У головы ея лежали серьги изъ толстой золотой проволоки, наподобіе тѣхъ, которыя найдены при главномъ покойникѣ; у рукъ собраны разнообразныя золотыя и сердоликовыя бусы. Вдоль одной стѣны стояли мѣдные сосуды въ видѣ плоской чаши, одного ведра съ дужкой, большого кувшина, котелка, большого котла съ шарообразнымъ дномъ и глинянаго круглодоннаго сосуда, приставленнаго къ сѣверо-западному углу помѣщенія.

При третьемъ костякѣ, лежавшемъ въ западномъ помѣщеніи, взяты золотыя и сердоликовыя бусы. Оба послѣднихъ костяка оказались залитыми красной краской, но слабѣе, чѣмъ первый.

Совершенно аналогичныя погребенія въ настоящее время открыты въ разныхъ пунктахъ Кубанской области и, между прочимъ, въ одномъ изъ кургановъ станціи Костромской ¹⁾, гдѣ дно могильной ямы, такъ же, какъ и въ Майкопскомъ курганѣ, оказалось выложеннымъ булыжникомъ, стѣны облицованными деревомъ въ видѣ сруба, но крыша, вмѣсто накатника, состояла изъ довольно тонкихъ плитъ известняка, наложенныхъ другъ на друга такъ, что края ихъ выступали впередъ, образуя сводъ. На днѣ ямы лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи,

¹⁾ Ibid., стр. 15 и 16.

головою на юго-востокъ. Онъ весь былъ залитъ красною краскою. На шеѣ его находились мелкія бусы изъ бѣлой пасты. У головы стояли глиняный горшокъ со слѣдами росписи желтою краскою и другіе сосуды безъ всякаго орнамента. Въ сѣверо-восточномъ углу могилы найдены два точильныхъ бруска, два мѣдныхъ ¹⁾ ножа, мѣдный топоръ, мѣдная пластинка рубанка, мѣдное четырехгранное шило и кремневые наконечники стрѣлъ. Въ другихъ погребеніяхъ этого типа заслуживаютъ вниманія костяныя головныя булавки, украшенныя рѣзбою и головками съ выступами въ видѣ кнопокъ, каменные формы для отливки металлическихъ прутиковъ толщиною въ карандашъ и длиною около 2—3-хъ вершковъ, а также глиняные сосуды, на днахъ которыхъ замѣтна вылитая бурая жидкость (вѣроятно, кровь), и сосуды для куреній.

Къ майкопскому типу погребеній очень близко примыкаетъ и типъ погребеній станицы Царской ²⁾, гдѣ въ курганахъ найдены скорченные окрашенные костяки, обращенные головами на югъ, сопровождаемые каменными и бронзовыми орудіями, золотыми спиральными кольцами и глиняными сосудами, а также открыты два дольмена, содержавшіе весьма характерный и богатый инвентарь. Оба дольмена были ориентированы съ сѣвера на югъ и представляли видъ четырехугольныхъ ящиковъ, сложенныхъ изъ каменныхъ, хорошо вытесанныхъ и пригнанныхъ плитъ. Внутри они перегораживались на двѣ половины поперечными плитами, имѣвшими отверстія, закрытыя каменными пробками. Въ одной плитѣ отверстіе и пробка были четырехгранной, а въ другой—круглой формы. Крыши

¹⁾ Опредѣленіе металла заимствуемъ изъ „Отчета“, будучи не совсемъ увѣрены, что оно правильно и основано на химическомъ изслѣдованіи.

Авт.

²⁾ „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1898 годъ“, Спб., 1901 г., стр. 33—39. Коллекція вещей хранится въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

дольменовъ также оказались различными: у одного она была плоскою, а у другого—двускатною.

Сверху и съ боковъ дольмена съ двускатною крышею были навалены камни. Полагають, что къ этому сооруженію относился и кольцеобразный валъ изъ гольшей, устроенный внутри насыпи кургана. Въ ббльшемъ отдѣленіи дольмена лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, головою на югъ. Всѣ кости его были покрыты краскою (сурикомъ). При костякѣ найдено двѣ пары золотыхъ серегъ, два золотыхъ кольца, значительное количество золотыхъ, серебряныхъ, хрустальныхъ, сердоликовыхъ и другихъ бусъ, одна золотая и двѣ серебряныя иглы, пять серебряныхъ пронизей веретенообразной формы, три желобчатыхъ долота изъ красной мѣди, три мѣдныхъ клина отъ рубанковъ, нѣсколько копьевидныхъ плоскихъ мѣдныхъ ножей, одно копьѣ, четыре топора, двѣ мѣдныхъ двурогихъ и одна трехрогая вилки, разливная ложка, два котла изъ тонкой листовой мѣди и два маленькихъ мѣдныхъ горшечка, въ одномъ изъ которыхъ оказались сердоликовыя, хрустальныя и золотыя бусы. Полъ отдѣленія былъ посыпанъ сурикомъ.

Во второмъ отдѣленіи найдены слѣдующія вещи: шесть кремневыхъ копій съ зубчатыми краями, четыре глиняныхъ сосуда, два точильныхъ бруска, костяныя бусы и другіе мелкіе предметы.

Вокругъ дольмена съ плоской крышей имѣлось также огражденіе въ видѣ кольцеобразнаго вала, сложеннаго изъ камней. Въ погребальномъ отдѣленіи на днѣ лежала плита. Стѣны внутри носили слѣды окраски въ красный цвѣтъ. Покойникъ, посыпанный сурикомъ, лежалъ въ согнутомъ положеніи, головою на югъ; на немъ сохранились остатки одежды на черномъ мѣху, шерстью наружу; подъ мѣхомъ оказалась ткань съ клѣтчатымъ узоромъ, а подъ нею—остатки холщевой ткани, выкрашенной въ пурпуровый цвѣтъ и покрытой красными нитями въ видѣ кистей. „У ворота этого одѣянія лежалъ

тонкій ободокъ изъ низкопробнаго серебра, слегка вогнутый посрединѣ, служившій или отдѣльнымъ ожерельемъ, или принадлежностью мѣховой шубы. У головы покойника лежали: семь кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, двѣ серебряныя шпильки, мѣдный топоръ, ножъ, кинжалъ въ мѣдныхъ же ножнахъ и два четырехгранные стержня для насадки копій. Съ восточной стороны находился деревянный предметъ въ видѣ изогнутой палки съ мѣднымъ крюкомъ, закрѣпленнымъ въ деревянной втулкѣ мѣднымъ спиральнымъ кольцомъ и тонкой проволокой, скипѣвшей въ спиральную сѣтку. Предметъ этотъ, повидимому, соответствуетъ мѣднымъ развилкамъ (вилкамъ) перваго дольмена. Надъ головой въ поперечной плитѣ было выдолблено небольшое, цилиндрической формы, углубленіе, куда положены слѣдующіе предметы: золотое спиральное кольцо, золотое кольцо изъ толстой проволоки и такое же изъ тонкой проволоки, также золотыя, серебряныя и сердоликовыя бусы, нанизанныя на красномъ плетеномъ шнуркѣ“.

„У восточной стѣнки стояли въ рядъ четыре горшка, изъ коихъ два покрыты красной краской, другіе два— черной. На всѣхъ орнаментъ въ видѣ ѓлочки, точекъ, горошинокъ и проч. Тутъ же, возлѣ горшковъ, находился точильный брусокъ. У колѣнъ покойника оказались три пращевые камня“.

„Во второмъ отдѣленіи на полу лежало большое количество костяныхъ бусъ разнаго вида, выкрашенныхъ въ красную краску или сплошь, или полосками. Среди нихъ у южной стѣнки найденъ четырехгранный мѣдный стержень и два небольшихъ кабаньихъ клыка“¹⁾.

Погребенія съ подобнымъ же, но болѣе бѣднымъ, инвентаремъ открыты въ Терской области и вообще по всему сѣверному Кавказу, гдѣ при покойникахъ найдены каменные орудія, сдѣланныя нерѣдко изъ нефрита и об-

1) Цитированный „Отчетъ“, стр. 37 и 38.

сидіана, мѣдныя и костяныя булавки съ выступами въ видѣ кнопокъ, мѣдныя или бронзовыя ножи, долота, иглы, шила, спиральныя кольца, привѣски, костяныя бляхи, бусы (послѣднія иногда дѣлались изъ звѣриныхъ зубовъ), каменные булавы и др. ¹⁾.

Въ общемъ всё это представляетъ одну культуру съ ясно выраженными чертами и поэтому легко отличимую отъ другихъ культуръ. Первоисточникомъ ея, несомнѣнно, являлась Месопотамія, хотя замѣтно вліяніе и Малой Азіи. Время относится, вѣроятно всею, къ началу поры бронзовыхъ орудій.

Изъ Месопотаміи заимствованы топоры, кирки, долота, пластинки рубанковъ, золотая, серебряная и бронзовая посуда, всё металлическія украшенія и украшенія изъ драгоценныхъ камней и бѣлой пасты; изъ Малой Азіи—формы пластинчатыхъ копьевидныхъ ножей и кинжаловъ. Всѣ эти предметы—очень древнихъ типовъ. Такъ месопотамскія кирки, по формѣ совершенно схожія съ майкопскими, О. Монтелиусъ, въ своей хронологической классификаціи, относитъ къ древней порѣ бронзовой эпохи ²⁾, а майкопскіе ножи и кинжалы оказываются одинаковыми съ найденными Шлиманомъ въ развалинахъ второго города Трои ³⁾.

Интересно изученіе рисунковъ на вышеупомянутыхъ серебряныхъ сосудахъ. Изображенія горныхъ и рѣчныхъ ландшафтовъ, оживленныхъ растеніями, животными и птицами, а также изображенія животныхъ то одного, то разныхъ видовъ, слѣдующихъ въ одну сторону, каковыя имѣются на майкопскихъ сосудахъ, въ то время пользовались широкимъ распространеніемъ. Такъ горный ландшафтъ, подобный майкопскому, можно видѣть на одномъ

¹⁾ Д. Я. Самоквасовъ. „Основанія хронологической классификаціи“, Варшава, 1892 г.—А. А. Спицынъ. „Курганы съ окрашенными костяками“.

²⁾ О. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900.

³⁾ Н. Schliemann. „Atlas trojanischer Alterthümer“, Leipzig, 1874, Taf. 194.

месопотамскомъ бронзовомъ блюдѣ, гдѣ представлены горы, покрытыя деревьями, и пасущіеся олени, а по краю блюда изображены фигуры людей и боговъ въ архаическомъ египетскомъ стилѣ, можетъ быть, указывающемъ на первоначальное заимствование этого мотива изъ Египта ¹⁾. Но еще ближе оказывается ландшафтъ, изображенный на другомъ месопотамскомъ бронзовомъ блюдѣ, гдѣ, какъ и въ майкопскомъ рисункѣ, среди горъ представленъ медвѣдь, поднявшійся на заднихъ лапахъ и срывающій съ дерева плоды ²⁾.

Что касается изображеній второго майкопскаго сосуда, то они въ месопотамскомъ искусствѣ являются совершенно обычными и, повидимому, существовали тамъ весьма продолжительное время, достигнувъ полнаго своего развитія уже въ желѣзную эпоху. Таковы изображенія на бронзовомъ блюдѣ, гдѣ въ одной зонѣ представлены быки, въ другой—kozy, слѣдующія другъ за другомъ, а въ третьей — быки, козы, грифоны и пятнистыя пантеры, причемъ быки точно такъ же, какъ и на майкопскомъ сосудѣ, изображены съ однимъ рогомъ, а пятна пантеръ—однаково представлены кружками, равномерно покрывающими всё тѣло, кромѣ головы ³⁾. Совершенно схожія изображенія животныхъ, идущихъ другъ за другомъ, а иногда птицъ, слѣдующихъ или летящихъ въ такомъ же порядкѣ, можно часто видѣть на глиняныхъ пряслицахъ Трои ⁴⁾, гдѣ также имѣются и стилизованныя изображенія горъ, рѣкъ и деревьевъ. Крайняя стилизація и схематичность троянскихъ изображеній показываютъ на происхождение ихъ изъ подражанія болѣе совершеннымъ оригиналамъ, каковыя, дѣйствительно, и существовали въ Месопотаміи.

¹⁾ Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité“, t. II, p. 742.

²⁾ Ibid., p. 751.

³⁾ Ibid., p. 743.

⁴⁾ H. Schliemann. „Ilios Stadt und Land der Trojaner“, Leipzig, 1881, №№ 289, 1872—1886.

Значительный интерес представляют также кавказскія бусы изъ бѣлой пасты. Онѣ имѣютъ цилиндрическую форму и небольшіе размѣры. Месопотамское происхожденіе ихъ представляется несомнѣннымъ. Въ составъ пасты входитъ порошокъ пережженной кости, почему издѣлія изъ этой пасты иногда называютъ костяными. Представляется весьма правдоподобнымъ, что она употреблялась и для инкрустаціи керамическаго орнамента. Бусы изъ такой пасты найдены въ Сибири и въ южной Россіи. По нимъ очень удобно слѣдить за распространеніемъ культурныхъ теченій. Нѣсколько позже, именно въ началѣ желѣзной эпохи, подѣлки изъ нея наводняютъ весь югъ Кавказа и имѣютъ видъ не только бусъ, но и разнаго рода бляхъ, застежекъ и другихъ. Одновременно съ этими предметами на Кавказѣ появляется и бѣло-пастовая инкрустація керамики, а также бронзовыхъ издѣлій въ видѣ рукоятокъ кинжаловъ и мечей.

Что касается предметовъ мѣтнаго кавказскаго производства, то къ числу ихъ слѣдуетъ отнести только немногія металлическія издѣлія, а также подѣлки изъ камня, кости и глины.

Выработка металлическихъ издѣлій, повидимому, велась въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и самыми примитивными способами, о чемъ хорошо свидѣтельствуютъ найденныя литейныя формы, приспособленныя только для отливки металлическихъ, вѣрнѣе всего, мѣдныхъ или бронзовыхъ прутиковъ толщиною въ карандашъ и длиною въ среднемъ около двухъ вершковъ¹⁾. Изъ этихъ-то прутиковъ потомъ и вырабатывались разныя мелкія вещицы, въ видѣ ножей, шиль, иглъ. Такой примитивный способъ обработки металла могъ существовать лишь короткое время, пока не были узнаны у прогрессивныхъ народовъ способы выработки болѣе совершенныхъ

¹⁾ „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1904 годъ“, стр. 95, рис. 162.

литейныхъ формъ, каковыя нѣсколько позже появились какъ на Кавказѣ, такъ и въ другихъ районахъ существованія описываемыхъ первобытныхъ формъ. Въ виду же кратковременности существованія, эти послѣднія формы пріобрѣтаютъ особенное значеніе, какъ могущія хронологически объединить сопровождаемыя ими культуры, географически болѣе или менѣе удаленныя другъ отъ друга. Такъ, благодаря ихъ присутствію, является возможность заключить объ одновременности нѣкоторыхъ культуръ южной ¹⁾ и средней ²⁾ Россіи.

Издѣлія изъ камня носятъ неолитическій характеръ, отличаясь иногда замѣчательною изящностью отдѣлки и цѣлесообразностью формъ. Таковы полированные нефритовые и другіе топоры-молоты со сверлинами, кремневые и обсидіановые наконечники стрѣлъ, булавы ³⁾ и др.

Изъ костяныхъ подѣлокъ заслуживаютъ вниманія привѣски изъ обрѣзанныхъ и отполированныхъ зубовъ, какъ полагаютъ, оленей и пронизки въ видѣ маленькихъ чашечекъ. Судя по обилію ихъ, можно допустить, что тѣ и другія вырабатывались на Кавказѣ и оттуда распространялись въ разныя страны. Такъ единичныя находки совершенно схожихъ привѣсокъ сдѣланы въ Сибири ⁴⁾, чашечныхъ же пронизокъ—въ Астраханской губерніи ⁵⁾.

¹⁾ В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 194, 266, 309 и табл. V, рис. 1—5 и 7.—Каталогъ выставки XII Археолог. Съѣзда, стр. 39 и 53, гдѣ дается подробное описаніе формъ.

²⁾ Ю. Г. Гендуке. „Городище Топорокъ, Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда“. Оттискъ изъ Трудовъ Тверск. Области. Археолог. Съѣзда, стр. 11 и 12, табл. 5.

³⁾ Кавказскія булавы своею грушевидною формою вполнѣ походятъ на месопотамскія, изъ которыхъ одна имѣетъ надписи царя Саргона I, царствовавшего около 3800 лѣтъ до Р. X.

Авт.

⁴⁾ Имп. Россійскій Историческій Музей, зала 3, Сибирь.

⁵⁾ Ibid. Водоемъ р. Волги, Астраханской губ., Черноярскаго уѣзда, село Ремонтное.

Наблюдая за распространением кавказскаго культурнаго течения къ сѣверу, легко замѣтить, что оно захватывало значительную долю русскихъ погребеній со скорченными костяками и при этомъ независимо отъ различія ихъ ритуальныхъ формъ, или, что почти всё равно, независимо отъ различія племенного состава населенія, хотя наибольшее сходство съ кавказскими имѣютъ катакомбныя погребенія степной полосы и ямныя погребенія лѣсной полосы Россіи, на изученіи которыхъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Катакомбныя погребенія извѣстны на берегахъ рѣкъ Донца, Бахмута, Кальміуса, Днѣпра, а также въ Крыму и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Наибольшее число ихъ изслѣдовано на берегахъ рѣкъ Донца и Бахмута¹⁾. Интересно, что по своей формѣ эти катакомбы оказываются совершенно схожими съ катакомбами Кипра, Сициліи, Минорки (одного изъ Балеарскихъ острововъ) и Португаліи²⁾. Отношеніе этихъ памятниковъ другъ къ другу загадочно, но, повидимому, между ними существовала какая-то еще невыясненная связь.

При сооруженіи катакомбъ сначала вырывали входныя ямы; формы послѣднихъ довольно разнообразны; господствуютъ четырехугольныя съ сильно округленными углами; рѣже встрѣчаются подтреугольныя и овальныя

¹⁾ В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи“ и „Результаты археологическихъ изслѣдованій на берегахъ р. Донца, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ.“ Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.—„Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ.“ „Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ.“ Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.—Н. Е. Бранденбургъ. „Раскопки въ области Войска Донскаго“. Отчетъ Имп. Археолог. Ком. за 1891 г., стр. 80—82.

²⁾ O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900, S. 185, Fig. 455, S. 189, Fig. 467, S. 202, Fig. 487, 488, 490 und 493.

или почти круглая; размѣры ямъ также разнообразны, но въ общемъ невелики. Для спуска на дно ихъ часто устраивалось по одной, по двѣ и даже по три ступеньки. Катакомба сооружалась подкопомъ подъ одну стѣну входной ямы. Средніе размѣры катакомбъ варьируютъ около 2½ арш. длины, 1¾ арш. ширины и 1 арш. вышины. Въ наиболѣе обширныхъ катакомбахъ можно стоять, лишь немного согнувшись, въ обыкновенныя же—приходится проникать ползкомъ или сильно согнувшись, а дѣтскія катакомбы нерѣдко совсѣмъ не вмѣщаютъ взрослого человѣка, и ихъ разбираютъ или со взломомъ крыши, или черезъ отверстіе входа, не проникая внутрь.

Дно катакомбъ дѣлалось ровнымъ, эллиптическимъ или овальнымъ. Бока и крыша, сливаясь съ дномъ, образовывали округлые своды. Дно обыкновенно посыпалось или золою, или известью, или красной краской. Посыпка оказывалась или сплошною, или частичною. Значеніе ея вполне ритуальное. Зола и вмѣстѣ съ нею уголь, являясь результатомъ горѣнія огня, указываютъ на вѣру въ очищающую силу послѣдняго, что подтверждается существованіемъ у катакомбныхъ жителей обряда сожженія труповъ. Этотъ обрядъ во все время и у всехъ народовъ одинаково основывался на представленіи, что душа живетъ за предѣломъ смерти, и ей желательно скорѣе освободиться отъ разлагающагося нечистаго тѣла, чему лучше всего помогаетъ огонь.

Известь и краска, повидимому, употреблялись какъ символы того же огня. Имъ посыпались не только дно катакомбы, но и разныя вещи и сами покойники¹⁾. Не-

1) Вопросъ объ окрашиваніи костяковъ представляетъ значительный научный интересъ. Мнѣнія изслѣдователей сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) окраска костей покойниковъ получалась отъ крашеныхъ одеждъ или отъ крашенныхъ стѣнъ склеповъ, при чемъ краска, по легчайшей одежде и склеповъ, естественно осаждалась на костяхъ и на полу могилы; 2) окраска костей производилась преднамѣренно послѣ того, какъ онѣ были освобождены отъ мускуловъ; и 3) окраска костей

рѣдко въ катакомбахъ ставились особыя жаровни; обыкновенно, въ нихъ находятся зола и уголь, а иногда куски краски. Очевидно, и здѣсь краска являлась символомъ огня.

Въ катакомбахъ наблюдались три различныхъ формы погребеній: сожженіе, расчлененіе и обычное трупосоженіе. Погребенія въ формахъ сожженія и расчлененія практиковались рѣдко. Сожженіе, повидимому, было неполнымъ. Кости расчлененныхъ покойниковъ полагались въ извѣстномъ порядкѣ, но среди нихъ иногда недоставало нѣкоторыхъ частей. Судя по полной связи между мелкими костями ступней, въ одномъ случаѣ можно было установить, что ноги были отдѣлены въ колѣнныхъ сочлененіяхъ и положены въ катакомбу еще не освободившимися отъ мускульныхъ связокъ¹⁾.

Для расчлененныхъ погребеній обыкновенно выполнялся весь чинъ погребенія, какъ будто бы хоронился цѣльный трупъ взрослого покойника. Такъ для нихъ вырывались катакомбы такихъ же размѣровъ, какъ и для обыкновенныхъ погребеній съ нерасчлененными костяками. Полы (дны) катакомбъ освящались символами святого огня въ видѣ бѣлаго порошка, мѣла и красной краски.

получалась отъ посыпки покойниковъ порошкомъ краски съ ритуальными цѣлями. Последнее мнѣніе въ настоящее время пользуется наибольшимъ распространеніемъ.

Литература:

- 1) Н. Е. Бранденбургъ. „Объ окраскѣ скелетовъ въ древнихъ курганныхъ могилахъ“. Труды Русск. Антрополог. Общ., 1890 г., стр. 39—44.
- 2) Я. Н. Якимовичъ. „Объ окрашенныхъ костякахъ, находимыхъ при археологическихъ раскопкахъ“. Докладъ, читанный въ Физико-Медицинскомъ Обществѣ при университетѣ Св. Владимира. Выдержки изъ доклада помѣщены въ „Кіевлянинѣ“ 1899 г., № 314, и въ „Археологической Лѣтописи южной Россіи“, т. I, стр. 209.
- 1) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ раскопокъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ“ и „Дневникъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 222—224, 296, 297, 300 и 301.

Около частей покойника, какъ и около цѣлаго, разставлялись и раскладывались вещи, полагались отрубленные ноги и головы животныхъ. Однимъ словомъ, части, какъ и цѣлому, воздавались всѣ почести полностью.

Покойники въ простыхъ погребеніяхъ полагались въ скорченномъ, или, правильнѣе, согнутомъ положеніи, на правомъ боку, лицомъ къ выходу изъ катакомбы. Ориентировка покойниковъ въ отношеніи странъ свѣта соблюдалась не очень строго, хотя преобладаетъ положеніе покойника головою на югъ.

Въ катакомбахъ хоронили какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, по одиночкѣ и коллективно; въ послѣднихъ случаяхъ постоянно приходилось устанавливать, что всѣ покойники были внесены одновременно, что указываетъ на насильственную смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ. При покойникахъ, обыкновенно, полагались разные вещи, въ составъ которыхъ входили подѣлки изъ бронзы, серебра, камня, кости, стекла, глины и др. Встрѣчались остатки ткани и мѣховой одежды. Нѣкоторыя катакомбы оказываются ограбленными современниками ихъ сооруженія, и потому слѣдуетъ заключить, что въ нихъ полагались и болѣе цѣнные, вѣроятно, золотыя вещи.

Въ числѣ бронзовыхъ подѣлокъ найдены ножи, шила, булавки, кольца, бусы и другая мелочь. Крупныхъ предметовъ, въ родѣ топоровъ, кирокъ, долотъ, ни разу не встрѣчено, хотя существованіе ихъ хорошо доказывается характеромъ слѣдовъ, оставленныхъ какъ на деревьяхъ,

-
- 3) Julian Kulakovsky. „Sur la question des squelettes colorés“, Kiev, 1905.—
Проф. Ю. А. Кулаковскій. „Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ“. Труды XI Археолог. Съѣзда, т. I.
 - 4) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 147 и 148.
 - 5) А. А. Спицынъ. „Курганы съ окрашенными костяками“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ.
 - 6) П. И. Витковскій. „О раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1881 г.“ Труды V Археолог. Съѣзда, т. I.

которыми закрывались входы въ катакомбы, такъ и на лёссовыхъ стѣнкахъ самихъ катакомбъ и входныхъ ямъ. Всѣ бронзовыя подѣлки совершенно схожи съ кавказскими.

Серебряныя вещи встрѣчаются рѣдко и представляютъ небольшія кольца съ неспаянными, заходящими другъ за друга, нѣсколько утолщенными концами. По формѣ онѣ схожи съ кавказскими.

Чаще встрѣчаются подѣлки изъ камня. Въ составъ ихъ входятъ полированные топоры-молоты со сверлинами, кремневые наконечники стрѣлъ, круглые, вѣроятно, метательные шары, или боласы, булавы, литейныя формы, служившія для отливки металлическихъ прутиковъ, точильные бруски, бусы и др. Большинство изъ этихъ вещей является какъ бы повтореніемъ кавказскихъ.

Среди костяныхъ издѣлій встрѣчены шила, застежки для одежды, кольца, привѣски; въ одной катакомбѣ найдена цѣлая игра, состоящая изъ трехъ палочекъ и двухъ одинаковыхъ кубиковъ съ мѣтками на граняхъ¹⁾. Кромѣ того, встрѣчались игры изъ астрогаловъ овецъ, козъ, коровъ и, въ одномъ случаѣ, лошади.

Стеклянные издѣлія представляются только отдѣльными крайне рѣдкими бусинами.

Наиболѣе многочисленными среди всѣхъ бытовыхъ предметовъ являются глиняныя сосуды²⁾. Формы ихъ

7) А. Бобринской. „Notes d'archéologie russe“. Revue Archéologique, t. III, 1904.

8) Гр. А. А. Бобринской. „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣст. Смѣлы“, т. I, стр. 58 и 60; т. II, стр. 149.

9) Г. Л. Скадовскій. „Бѣлозерское городище Херсонскаго уѣзда, Бѣлозерской волости, и соседніе городища и курганы“. Труды VIII Археолог. Съѣзда, т. III, стр. 90 и 91.

¹⁾ Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 194 и 195, табл. VI, рис. 1—5.

²⁾ Подробное описаніе ихъ см. въ „Каталогахъ Выставокъ XII и XIII Археолог. Съѣздовъ“, коллекціи бронзовой эпохи В. А. Городцова, а также въ Трудахъ XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 197 и 198, табл. VIII и IX, и въ Трудахъ XIII Археолог. Съѣзда, стр. 232 и 233, табл. XIII.

довольно просты. Поверхность большинства сосудовъ покрывалась обильнымъ и довольно красивымъ орнаментомъ, который, обыкновенно, начинался съ обрѣза шейки, покрывалъ всю ея поверхность и спускался пышными бахромами черезъ плечи сосудовъ на его бока. Сверхъ тисненыхъ узоровъ сосуда иногда покрывались красками. Сосуды безъ орнамента встрѣчаются рѣдко и отличаются большими размѣрами и болѣе сильнымъ обжигомъ. Они, очевидно, предназначались для служебныхъ цѣлей, тогда какъ орнаментированные сосуды могли имѣть назначеніе декоративныхъ вещей, предназначаемыхъ для пользованія лишь въ болѣе торжественныхъ случаяхъ.

Во многихъ сосудахъ находилось или темнобурое или желтоватое вещество. То и другое отлагалось на днахъ сосудовъ. Темнобурое вещество имѣло видъ засохшей крови и перегорѣлаго, пересохшаго мяса, за каковыя оно и принимается. Желтое вещество походитъ на мелкій песокъ, но, при болѣе внимательномъ изученіи, въ немъ узнавались зерна проса, или пшена.

Интересно, что ранѣе постановки сосудовъ въ могилы на дно многихъ изъ нихъ выливалась какая-то густая жидкость, стекавшая со дна на стѣны и оставлявшая на нихъ темнобурыя полосы и натеки. Весьма возможно, что это была кровь жертвенныхъ животныхъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ катакомбы нерѣдко полагались отрубленные головы, ноги овецъ и коровъ. Сосуды со слѣдами

10) „Занятія VIII Археологическаго Съѣзда“, стр. 42, 78, 79, 189 и 190. Здѣсь приводятся мнѣнія проф. В. Б. Антоновича, Г. Л. Скардовскаго и Г. А. Хайновскаго объ окрашиваніи костяковъ.

11) Извѣстія IX Археолог. Съѣзда, № 14, стр. 2. В. Б. Антоновичъ. „Замѣтка о крашенныхъ скелетахъ“ и мнѣнія по поводу этой замѣтки А. Н. Маркевича, Д. Н. Анучина, Н. Н. Веселовскаго и Г. А. Хайновскаго.

12) Извѣстія XI Археолог. Съѣзда, стр. 149. Проф. Ю. А. Кулаковскій. „Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ“ и мнѣнія по поводу вопроса проф. В. Б. Антоновича, гр. А. А. Бобринскаго и др.

такой же жидкости на днахъ найдены и на сѣверномъ Кавказѣ.

Въ двухъ катакомбахъ сохранились остатки одежды и головного женскаго убора. Одежда состояла изъ тонкихъ хорошо обработанныхъ шкурокъ мелкихъ звѣрковъ. Сшивка отдѣльныхъ кусковъ мѣха выполнена съ замѣчательнымъ искусствомъ. Для шивки служили тонкія крученныя нити. Украшеніе одежды составляли многочисленныя перламутровыя бляшки, найденныя разсѣянными по всему костяку¹⁾. Головной женскій уборъ состоялъ также изъ тонкой кожи, украшенной бахромой, сплетенной изъ нитокъ въ видѣ сѣтки съ отходящими внизъ кистями²⁾.

Послѣ того, какъ покойникъ былъ положенъ, и предметы размѣщены вокругъ его останковъ, входъ въ катакомбу закрывался или деревянными плахами, или камнями, или чистой глиной, или, наконецъ, тѣми и другими вмѣстѣ. Въ донецкомъ и бахмутскомъ районахъ чаще практиковалось деревянное загражденіе. Куски дерева употреблялись то въ видѣ круглыхъ, то въ видѣ колотыхъ плахъ. Обработка ихъ, несомнѣнно, производилась весьма острыми металлическими инструментами.

По закрытіи катакомбы надъ ней насыпался курганъ съ вершиной не надъ центромъ основанія, а надъ сѣверною полою.

Принимая во вниманіе всё приведенное, мы можемъ видѣть, что человѣкъ, оставившій катакомбныя погребенія

13) Извѣстія XII Археолог. Съѣзда, стр. 182. Е. Н. Мельникъ. „Археологическія раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ уѣздахъ, Харьковской губерніи“.

14) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 182, 183, 191 и 192.

15) Его же. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 219 и 233.

¹⁾ Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 197.

²⁾ Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 314.

нія въ южной Россіи и въ особенности на берегахъ рѣкъ Донца и Бахмута, находился въ живой связи съ жителями Кавказа. Его бытъ характеризовался употребленіемъ мѣдныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ и, очень вѣроятно, золотыхъ предметовъ, довольно развитымъ скотоводствомъ и признаками земледѣлія.

Катакомбный человѣкъ явился въ донецко-бахмутской области позже человѣка, хоронившаго своихъ покойниковъ въ грунтовыхъ ямахъ въ скорченномъ и вытянутомъ положеніяхъ, съ головою, обращенною къ сѣверо-востоку-востоку, и послѣ самъ былъ смѣненъ человѣкомъ, хоронившимъ покойниковъ въ срубкахъ также въ скорченномъ положеніи, но съ ориентировкою для большинства лицъ на сѣверо-западъ-западъ, а для меньшинства — на сѣверо-востокъ-востокъ. Культура срубнаго человѣка мало отличалась отъ культуры катакомбнаго человѣка и одинаково находилась подъ вліяніемъ кавказскаго культурнаго теченія.

Въ другихъ областяхъ южной Россіи такой или какой-либо другой опредѣленной послѣдовательности въ смѣнѣ населенія, относящагося ко времени скорченныхъ и окрашенныхъ костяковъ, не наблюдается. Причиной этому, вѣроятно же всего, служить или недостатокъ систематическихъ изслѣдованій на болѣе широкихъ географическихъ площадяхъ, или другой болѣе сложный порядокъ смѣны населенія, что при племенномъ разнообразіи и дробности является весьма возможнымъ.

Наиболѣе отдаленные слѣды кавказскаго вліянія существуютъ на верхнемъ теченіи р. Волги, гдѣ открытъ цѣлый рядъ памятниковъ культуры такъ называемаго фатьяновскаго типа*), главными представителями которой

*) Литература:

- 1) Гр. А. С. Уваровъ. „Археологія Россіи. Каменный періодъ“, т. I, стр. 395—419.
- 2) „Антропологическая Выставка“, т. II, стр. 23 и т. III, стр. 188.

являются могильники, расположенные въ окрестностяхъ д. Фатьяновой и с. Великаго, Ярославской губерніи.

Культура фатьяновскаго типа характеризуется большимъ количествомъ каменныхъ орудій и малымъ количествомъ подѣлокъ изъ мѣди и бронзы, хотя, судя по находкѣ въ городищѣ Топорокъ каменной литейной формы для отливки прутиковъ, слѣдуетъ полагать, что металлическіе предметы выработывались внутри страны, заброшенной въ самой глуши первобытнаго лѣса. Признаки земледѣлія и скотоводства совершенно отсутствуютъ. Изъ прирученныхъ животныхъ въ распоряженіи челоуѣка имѣлась только одна собака. Главнымъ занятіемъ его служила охота на лѣсныхъ звѣрей и животныхъ, а именно на кабана, медвѣдя, рысь, лисицу, оленя и другихъ.

Населеніе принадлежало, подобно населенію южно-русской степи, къ долихоцефаламъ. Оно также хоронило своихъ покойниковъ въ ямахъ, въ скорченномъ положеніи, и сопровождало ихъ разными предметами быта, въ особенности глиняными сосудами; кургановъ же надъ могилами не сыпало, но выбирало для нихъ природныя холмы.

„Среди русскихъ древностей, говоритъ А. А. Спицынъ, могильники фатьяновскаго типа ближайшія аналогіи имѣютъ въ южныхъ курганахъ съ погребеніемъ скорченныхъ костяковъ, особенно же въ нѣкоторыхъ кубанскихъ. Болѣе всего поражаетъ сходство посуды, какъ въ формѣ, матеріалѣ, такъ и въ орнаментѣ штриховомъ и также располагающемся по поверхности сосуда отдѣльными полотнищами. Характерна одна мелочная особенность: какъ на фатьяновскихъ, такъ и на кубанскихъ

3) А. А. Спицынъ. „Мѣдный вѣкъ въ Верхнемъ Поволжьѣ“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. V.

4) Его же. „Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. II.

5) В. А. Городцовъ. „Раскопки могильника на Черной горѣ, въ окрестностяхъ с. Великаго, Ярославской губерніи и уѣзда“, Ярославль, 1896 г.

круглодонныхъ сосудахъ нерѣдко имѣются на днищахъ съ наружной стороны ямочки, иногда орнаментированныя. Для изящныхъ фатьяновскихъ каменныхъ топоровъ аналогіи отыскиваются лишь въ такихъ же подѣлкахъ кургановъ кубанскихъ, ставропольскихъ и таврическихъ, гдѣ онѣ достигаютъ высшаго расцвѣта. Обрядъ погребеній— тотъ же самый¹⁾. Если въ фатьяновской культурѣ погребеніе совершается не въ курганахъ, то всё же непременно на возвышеніяхъ курганнаго вида. Другія черты сходства: ожерелья изъ звѣриныхъ зубовъ и костяныхъ трубочекъ, мѣдныя колечки, одинаковая форма клиньевъ, тамъ изъ мѣди, здѣсь изъ кремня; тонкіе и длинные кремневые фатьяновскіе ножи найдены также въ кубанскихъ курганахъ и близки къ мѣднымъ ножамъ, столь обычнымъ въ курганахъ со скорченными костяками²⁾.

„Видимо, заключаетъ тотъ же авторъ въ другой своей работѣ, что чистая фатьяновская культура принесена на сѣверъ какимъ-то южнымъ населеніемъ“³⁾.

Намъ остается только присоединиться къ изложеннымъ мнѣніямъ цитируемаго автора и пожелать, чтобы русскіе археологи обратили на нихъ вниманіе и помогли болѣе широкому ихъ освѣщенію путемъ сбора новаго фактическаго матеріала. И это тѣмъ болѣе, что въ связи съ правильнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, касающихся разсмотрѣннаго культурнаго теченія, находится правильное

6) Ю. Г. Гендуле. „Городище Топорокъ, Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда“. Труды Тверск. Области. Археолог. Съѣзда.

7) П. Е. Макаренко. „Поѣздка 1903 г. по верхнему теченію р. Волга“, Изв. Имп. Археолог. Ком.

¹⁾ А. А. Спицынъ. „Курганы съ окрашенными костяками“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XI, в. 1 и 2, стр. 53—133.

²⁾ Его же. „Мѣдный вѣкъ въ Верхнемъ Поволжьѣ“, Спб., 1903 г., стр. 15 и 16.

³⁾ Его же. „Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи“. Отд. оттискъ изъ Записокъ Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. II, стр. 10.

рѣшеніе вопросовъ объ аналогичныхъ культурахъ въ разныхъ областяхъ Западной Европы, не исключая даже Великобританскихъ острововъ ¹⁾, гдѣ открыты культуры, совершенно схожія съ южно-русскими, въ особенности съ приднѣпровскою.

¹⁾ J. R. Mortimer. „Forty years' researches in British and Saxon burial mounds of east Yorkshire“, London, 1905.